

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

К.Ю. Ерусалимский

СМУТНОЕ ВРЕМЯ В РОССИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ: КОНФЛИКТ И ВЗАИМОПОНИМАНИЕ (О монографиях Т. Бохуна и А.-А. Маевского)

То политическое целое, которое на короткий исторический отрезок в начале XVII в. объединило подданных Российского государства и Речи Посполитой, принято рассматривать в категориях конфликта. Этому благоприятствовали особенности формирования национальных историографических школ в Российской империи. В то же время невозможно обойти стороной тот факт, что сами источники подтолкнули исследователей к обсуждению Смуты как череды катастроф, углубивших культурно-политическую границу между «ляхами» и «москалями». В периодизации Смутного времени, разработанной С.Ф. Платоновым, династический кризис сменялся социальным, а ему на смену приходил национальный. В советской историографии династический кризис растворялся в кризисных тенденциях российской экономики второй половины XVI в., социальный кризис получил классовые очертания и наименование крестьянской войны, а национальный этап был представлен как борьба за государственную независимость и расширен за пределы первых лет правления Михаила Романова. С 1980-х гг. в этой усовершенствованной схеме нескольких поколений российских и советских историков возникли трудности. С одной стороны, чаша весов качнулась в пользу сквозных неэволюционистских интерпретаций. Смута была представлена как гражданская война, в которой классовые противоречия нивелировались за счет противостояния окраинной вольницы с московской властью (А.Л. Станиславский, В.Б. Кобрин). Всестороннему историко-антропологическому анализу был подвержен феномен самозванчества (М. Перри, К.-С. Ингерфлом). Все больше внимания уделялось и уделяется структурам ментальности, пережившим Смуту и сложившимся задолго до нее, — местничеству, иерархиям, чести (А. Берелович, Н.-Ш. Коллманн, Ю.М. Эскин).

С другой стороны, более детальному анализу были подвержены обобщенные конструкции и периодизации и на смену им пришли более нюансированные, изменчивые, неединообразные образы Смуты (Р.Г. Скрынников, Б.Н. Флоря, А.П. Павлов, В.И. Ульяновский,

В.Н. Козляков, И.О. Тюменцев, А.А. Селин, Д.В. Лисейцев и др.). В то же время в польской историографии происходили реинтерпретации источников, позволяющих увидеть многие события российской истории рубежа XVI–XVII вв. в ином свете, глазами «ляхов» и «литвы». На фоне этих новаций назревает пересмотр ключевых понятий для российского образа Смуты, знакомых каждому по обобщающим работам: «распад и возрождение государства», «государственная измена», «интервенция», «национальная борьба». Наша задача здесь заключается в том, чтобы на основе некоторых из этих новаций показать, как военные конфликты вскрывают общие тенденции развития политической культуры Российского государства и Речи Посполитой и взаимопонимание между «московитами» и «ляхами» в начале XVII в.

Остановим внимание на двух монографиях, изданных в серии «Исторические битвы» польского издательства “Bellona”: «Москва 1612» Томаша Бохуна (2005)¹ и «Москва 1617–1618» Анджея-Адама Маевского (2011)². Обе книги относятся к области военной истории, затрагивают военное дело, историю вооруженных сил, комментируют стратегию и тактику военных действий между Россией и Речью Посполитой. Большое внимание уделяется также восприятию событий современниками с обеих сторон.

Смутой в России началась череда европейских войн, продлившаяся Тридцатилетней войной и Шведским потопом. Впервые в Восточной Европе именно в военных конфликтах 1578–1619 гг. наметились достоинства и недостатки долгосрочных военных экспедиций и миссий. Они требовали постоянного участия профессиональных военных — казаков и других наемников, а в связи с этим — огромных финансовых затрат. Эти войны были инициированы в борьбе за «русское наследство» или «наследство Рюриковичей». Причем в первом случае право подкреплялось титульным конфликтом за Ли-

¹ *Bohun T. Moskwa 1612. Warszawa, 2005.* См. также работы Т. Бохуна в развитие данной монографии: *Bohun T. Кошки, мыши и люди или проблема снабжения польского гарнизона в Москве в 1610–1612 гг.: Картина из торговых отношений в Московском государстве в эпоху Смуты // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Второй международной научной конференции. Курск, 2009. С. 43–49; Он же. Письмо подскарбия Великого княжества Литовского Яроша Воловича к епископу Шимону Рудницкому о несостоявшемся походе гетмана Я.К. Ходкевича на Москву (1612) // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 79–88; Он же. Как гетман Ходкевич проиграл под Москвой в 1612 году // Единорог. М., 2011. Вып. 2. С. 5–52; Он же. История польского гарнизона в Москве // Интернет-ресурс «Мир истории. 2012. № 1». URL: http://www.historia.ru/2012/01/bohun-01-2012.htm#_ednref25 (последнее посещение — 11.08.2012). Все названные переводы на русский выполнены А.Б. Плотниковым. В переводе А.Б. Плотникова подготовлена к изданию также монография Т. Бохуна «Москва 1612 г.».*

² *Majewski A.-A. Moskwa 1617–1618. Warszawa, 2011.*

вонию и Великое княжество Литовское, включая Полоцк, Смоленск, Новгород и Псков, тогда как во втором случае речь шла о воцарении Владислава, который считал себя и тогда, и позднее законным царем, а затем, уже после похода, — великим князем московским и отказался от своего права на царский титул только по Поляновскому мирному договору.

Поскольку между Российским и Польско-Литовским государством на протяжении всего XVI в. заключались только перемирия, вступление войск на спорную территорию, временно занятую противником, не считалось и *ex definitione* не было интервенцией. Завоеватели в своих «листах» приглашали на королевскую службу не только города, но и московскую элиту. Грань между ультиматумом и обращением к своим подданным была размыта после смерти Василия III. В ходе военной кампании гетманы и канцлеры обычно направляли подобные письма от имени короля. Однако царь Владислав в начале похода на Москву обратился ко всем своим подданным, обязуясь соблюдать права и свободы верных ему российских подданных и не ущемлять православие. В Москве эти действия воспринимались как призыв к государственной измене, аргументы московских господарей в пользу своих прав на спорные земли противника не только не убеждали, но и возмущали, вызывая ответные пропагандистские кампании и публичные разоблачения.

По сути, это была не политическая, а военная интервенция. Вряд ли разрешится спор историков о том, с какого момента военные интервенты превратились в представителей Речи Посполитой на территории Российского государства. С июня 1581 г. по февраль 1582 г. на территории Российского государства велись военные действия, доходившие до Новгорода и Старицы, а под Псковом находился королевский лагерь, в котором пребывали Стефан Баторий, часть сенаторов и шляхта. Этого недостаточно, чтобы говорить об интервенции. Формально велась утвержденная сеймом «справедливая война» против Ивана IV за возвращение земель, отнятых московитами. В отличие от баторианских войн, в 1604–1610 гг. сейм не поддержал ни одну экспедицию на Москву — успехи Лжедмитрия I и Лжедмитрия II не имели в своей основе официальных санкций властей Речи Посполитой. Более того, во владениях Сигизмунда III в эти годы разгорелась ожесточенная война между роялистами и сандомирскими конфедератами-рокошанами под руководством воеводы краковского М. Зебжидовского. Видные лидеры московской Смуты А.-Ю. Лисовский, кн. Р. Ружинский, Я.-П. Сапега не представляли никакой ветви власти Речи Посполитой на территории Российского государства, хотя Сапега тайно информировал короля о событиях в Тушинском лагере, а в марте — апреле 1611 г. вел с ним переговоры о положении дел в Москве.

Военной интервенцией был и поход коронного гетмана польного С. Жолкевского на Москву, обернувшийся битвами под Царевым Займищем и Клушино. Этот поход спровоцировал падение Василия Шуйского. Лишение его трона было продолжением тайных заговоров, о которых было известно властям Речи Посполитой. Жертвами таких заговоров были до него Борис и Федор Годуновы, Лжедмитрий I, но именно эти факты заставляли сенаторов выступить с мемориалом «Дать или не дать королевича Владислава в Московское государство» в сентябре 1610 г. и ответить на свой вопрос отрицательно³. Государственные перевороты в Москве дестабилизировали суверенитет и повлияли на отказ Сигизмунда III от политической интервенции в Россию в 1610–1612 гг. Ослабленная Россия без суверена оказалась более приемлемой для Сигизмунда III, чем принятие рисков, которые пришлось бы просчитывать, возрождая там суверенитет.

Договор между гетманом С. Жолкевским и московскими боярами 27 августа (6 сентября) 1610 г. был результатом вынужденного, но контрактного выбора королевича Владислава на московский трон, и позднее Жолкевский воспринял нежелание короля исполнить этот договор как личное оскорбление и отошел от участия в Московских кампаниях. Но в Сенате хорошо понимали, что избрание Владислава вызвано военными поражениями, его воцарение в Москве связано с риском повторения событий мая 1606 г., а поход на Смоленск был лишь имитацией интервенции, а на практике — продолжением политики последних Ягеллонов и личным делом короля. В этих условиях Сигизмунд III, и ранее демонстрировавший Жолкевскому свое недовольство его переговорами в Москве, нарушил договоренности августа 1610 г. Гетман в своих записках представлял послов к королю Филарета Романова и кн. В.В. Голицына как сторонников патриарха Гермогена и противников польской кандидатуры. Устранение их из Москвы должно было, по его мнению, сопровождаться соблюдением августовских договоренностей. Хотя в Москве уже стоял польско-литовский гарнизон под руководством референдария литовского А. Корвина Госевского, превращение освободительной войны в политическую интервенцию происходило по схеме удаленного колониального управления.

Можно ли было управлять Москвой из-за границы? Речь Посполитая или получила бы первую обширную сухопутную колонию, или должна была изменить условия Люблинской унии 1569 г. о братском единстве двух народов и присоединить к ним третий народ. В принципе обе возможности были знакомы европейским

³ *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 180.

государствам. Примеры освоения заморских Индий и создания колоний были хорошо известны из географической литературы. Перспектива расширения национального состава Речи Посполитой возникла позднее при заключении Гадячской унии. Возможны были и промежуточные формы контроля — прусский «холд» или создание зоны постоянного влияния, наподобие Молдавии.

Нерешительность в выборе можно было обосновать реализацией на практике колониального управления, которое осуществлялось в Москве гарнизоном А. Госевского. Воины должны были очистить страну от самозванцев, и переговоры с Лжедмитрием II начал сам Жолкевский, призывавший его уйти от Москвы и отречься от короны. Размещение польско-литовского гарнизона также было результатом серии договоренностей. Князь Ф.И. Мстиславский призвал патриарха Гермогена, резко настроенного в отношении иноверцев в Москве, не вмешиваться в светские дела, но над гарнизоном был поставлен коалиционный трибунал, во главе которого стояли кн. Г. Ромодановский и И. Стрешнев с российской стороны и А. Корицинский — с польско-литовской. Москва была разделена по расквартированным полкам на военные округа — Кремль, Белый город, Китай-город, Новодевичий монастырь. По словам С. Жолкевского и С. Маскевича, временное управление вывело страну из разрухи, были восстановлены торги и торговые связи Москвы с Вологдой, Ярославлем, Коломной. Московские стрельцы при этом выполняли полицейские миссии, выискивая изменников. Удалось даже найти общий язык с патриархом Гермогеном. По мнению Т. Бохуна, С. Жолкевский и позднее его заместитель А. Госевский заняли должность старосты-наместника и фактического губернатора Москвы и опирались в своем правлении на польско-литовское законодательство⁴.

Это было, по сути, двустороннее временное военно-полицейское управление до прибытия в Россию избранного царя Владислава. Политический режим этого временного правительства носил все черты чрезвычайного положения: действовал комендантский час, запрещено было проходить на позиции гарнизона с оружием в руках, велся розыск заговорщиков и изменников⁵. Вокруг Жолкевского и Госевского образовались группы влияния, возглавляемые двумя фаворитами — выдвинутым гетмана боярином Михаилом Салтыковым и креатурой старосты велижского Федором Андроновым. Конкуренция между ними чем-то напоминала опричные конфликты. Выскочка-сын торговца отвечал за монетное дело и заведовал переплавкой кремлевских ценностей в монеты с изображением Владислава. Ему противостоял боярин, доносивший на своего противника

⁴ *Bohun T. Moskwa 1612. S. 54, 60–63.*

⁵ *Ibid. S. 110.*

литовскому канцлеру Л.И. Сапеге и призвавший А. Госевского жестоко покарать москвичей перед приходом Первого ополчения⁶.

Злоупотребления были, и немалые. Захват имущества, грабежи и насилие вызвали резкую реакцию со стороны совместного командования. Рядового, который устроил тир из надвратной иконы, четвертовали и сожгли на костре под иконой, причем до трибунала, по решению «кола» его подразделения. Совместно с москвитями проводились суды над насильниками. Уже в момент осады Москвы Вторым ополчением произошло нападение на кн. Ф.И. Мстиславского. Обоих виновных казнили, одного из них сняли с виселицы и отдали на съедение оголодавшим воинам. Сопrotивление интервентам и создание Первого ополчения были вызваны, видимо, не столько самими злоупотреблениями, сколько слухами, разжигавшимися посланиями из Москвы, открытыми письмами от окруженных смольнян и от патриарха Гермогена. Вплоть до начала 1611 г. Москва оставалась под контролем, и у свидетелей со стороны гарнизона сохранялось ощущение порядка и спокойствия.

Как показывает Т. Бохун, уличные бои и пожары в Москве 27 марта 1611 г. были спровоцированы, если не инициированы, М. Салтыковым и А. Госевским, который готовился к приходу Первого ополчения⁷. Остатки гарнизона оказались брошены на произвол судьбы. Большинство из них представляли собой наемников, выведенных за рамки королевской службы самим фактом выплаты жалования из кремлевской казны и из налогов с городов, принесших присягу Владиславу. Обеспечить их было обязанностью боярского правления, которое оказалось в двусмысленном положении гаранта порядка, опиравшегося на «ляхов» и «литву». Быстро распространились слухи о разорении Кремля. Оставленные без жалования и поддержки регионов в марте — апреле 1611 г., сотни защитников Кремля превратились в обузу для королевской власти Речи Посполитой и во врагов местного населения, подогреваемого антикатолической пропагандой. На его судьбе сказалась череда случайностей, в которой нетрудно было обнаружить одну общую закономерность — кремлевский гарнизон выполнял свою миссию, в то время как Сигизмунд III молчаливо снял ее с повестки дня и не предложил ничего взамен.

Т. Бохун показывает, как Сигизмунд III манипулировал статусом московского гарнизона, не отказываясь от его услуг и в то же время не принимая никаких обязательств по его содержанию или выводу. Показательно, что 19 сентября 1611 г. московский гарнизон выслал своих депутатов на Варшавский сейм с ультиматумом о выплате жалования до 6 января 1612 г. под угрозой создания в

⁶ Ibid. S. 59, 97–104, 107–108 etc.

⁷ Ibid. S. 115–116.

Москве шляхетской конфедерации. Послы были задержаны великим гетманом литовским Я.-К. Ходкевичем, а пока он вел переговоры, пытаясь смягчить требования депутатов, сейм закончился, так и не узнав о выступлении шляхты в Москве. Перспектива конфедерации означала, что московский гарнизон захватит королевские имения и будет собирать с них доходы, пока не дожидается выплаты жалования. Свообразным ответом на действия шляхты был универсал 28 апреля 1612 г., которым король объявил действия протестантов бунтом и угрозой для Речи Посполитой, а на требование выплат оповестил всех, что оно исходит от воинов, многие из которых служили в России по своей воле еще при царях Дмитриях, а теперь поделили страну на четверти и собирают с нее доходы⁸.

Король показывал своим решением, что не намерен вносить какие-либо изменения в создавшееся положение. Московский гарнизон этим универсалом из временного чрезвычайного властного института превращался в постоянную королевскую жандармерию на оккупированной территории во главе с администрацией, правящей от лица так и не объявившегося королевича Владислава. Глава гарнизона из старосты-наместника царя Владислава превращался в сменяемого военного коменданта короля Сигизмунда III. Этой перемены не принял А. Корвин Госевский, неохотно и лишь под давлением Ходкевича поступивший своим постом в пользу старосты хмельницкого М. Струся 27 июня 1612 г.⁹

Таким образом, к моменту вступления в борьбу за Москву Второго ополчения между Варшавой и Москвой выстроилась громоздкая лестница чрезвычайного управления, призванная не столько включить Российское государство в политическую систему Речи Посполитой, сколько устранить какие-либо обязательства перед российским обществом, принятые С. Жолкевским от имени короля в августе 1610 г. Посредником между королем и московским гарнизоном стал Я.-К. Ходкевич, которому приходилось от имени короля регулировать управление в Кремле и сдерживать попытки создания конфедерации в Москве или под Москвой, а также весьма ограниченным подразделением оказывать срочную военную и фуражную поддержку гарнизона. Между тем сам гарнизон до последнего сохранял верность королю и Речи Посполитой. Воспоминания и переписка воинов московского гарнизона С. Жолкевского, Ю. Будзилло, М. Мархоцкого, С. Маскевича, епископа Павла Пясецкого и др. не оставляют сомнений, что многие защитники Кремля осознавали свою миссию как службу королю и Речи Посполитой. Несомненно, и сам гетман Я.-К. Ходкевич чувствовал свою особую воинскую ответственность перед соратниками и потратил немало сил и средств,

⁸ Ibid. S. 159–160, 171–173.

⁹ Ibid. S. 175–176.

чтобы найти им поддержку на родине. Известны также и введены в научный оборот Т. Бохуном данные о конфликтах, вызванных неопределенной перспективой и слухами о безразличии короля к защитникам Москвы. Исследователь высказывает интересное предположение, что один такой конфликт объединил Пожарского и Трубецкого — согласно анонимному письму последних дней осады Кремля из рукописи Библиотеки Чарторыйских, некто Голецкий «продался Москве» и начал поднимать москвитов против короля, доказывая, что Сигизмунд III только покажет им сына, но на правление не оставит. Конечно, ополченцы совместными усилиями поддержали эту ловушку, выбивающую почву из-под ног сторонников царя Владислава¹⁰.

Организация сопротивления московскому гарнизону, воплотившегося в Первом и Втором ополчениях, приобрела черты польско-литовского шляхетского ополчения (*pospolite ruszenie*) и в этом качестве вошла в историю, однако, с точки зрения польско-литовского командования в Кремле, это были, скорее, военные конфедерации во главе с воеводами-полковниками и дворянством-шляхтой, которым подчинялись люди разных чинов, и прежде всего вольные, или «люзные» люди, казачество. В рядах этих конфедераций к 1610 г. было немало детей боярских и шляхтичей. В период Московских походов Стефана Батория сопротивление опиралось на покаянные церемонии, крестоцелование на верность царю, угрозу смертной казни для каждого «коромольника» и «градского здавцы», на церковных и покаянных соборах утверждались дополнительные налоги на оборону. Создание ополчений 30 лет спустя сопровождалось аналогичными формами мобилизации — толкованием знамений, крестоцелованием, призывами покарать неверных, вероотступников и изменников и налоговыми сборами. Эти факторы сказались не только на противостоянии ополчений и польско-литовского гарнизона Москвы, но и на натянутых отношениях между Первым и Вторым ополчением после штурма Москвы Первым ополчением, переговоров П. Ляпунова с Я.-П. Сапегой и прозвучавшей из заключения критики Гермогена в адрес И. Заруцкого и кандидатуры царевича Ивана Дмитриевича¹¹.

Ослабленные защитники Кремля, измученные голодом зимы, весны и осени 1612 г., мало напоминали боевую единицу, держа лидеров боярского правительства скорее в качестве почетных заложников. За чередой случайностей, сказавшихся на судьбе кремлевского гарнизона, открывалась нерадужная перспектива: удаленное управление колониального типа было хорошим способом разорения и политического ослабления оккупированной страны, но

¹⁰ Ibid. S. 247–248.

¹¹ Ibid. S. 152.

оказалось непригодным для примирения враждующих в ней сил и гибельно для королевских подданных в России. Конечно, разорение и ослабление противника после более чем столетней войны за земли Великого княжества Литовского и спорные русские владения могли восприниматься как положительный результат военной интервенции 1609–1612 гг., однако для получения каких-либо бонусов на этом пути необходимо было дожидаться установления в России легитимного и достаточно устойчивого правительства, которое могло бы пойти на ожидаемые уступки. Признание этой логики было бы для короля равносильно не только отклонению проекта воцарения Владислава, но и поиску или созданию в России легитимных сил, доброжелательно или хотя бы мирно относящихся к интервентам. После возвращения Ходкевича из-под Москвы в сентябре 1612 г. Сигизмунд III ускоренно готовился к совместному с сыном выступлению под Москву, однако обещания короля скоро прийти на помощь были получены гарнизоном, когда положение осажденных стало безнадежным. Вместе с тем, выступив в направлении Москвы из-под Смоленска в октябре и добравшись до Вязьмы и Федоровска в конце ноября 1612 г., король вскоре узнал о падении гарнизона, а затем вступил в переговоры со Вторым ополчением, возлагая надежду на выборы царя на Земском соборе. Эта цепь событий показывает, как московский гарнизон становился все менее востребованным орудием Сигизмунда III. Лидеры Второго ополчения в своих ультиматумах гарнизону безуспешно использовали эти сомнения, ссылаясь на «неправду» короля и убеждая Струся сдаться. Это была умелая дезинформация, однако король так и не пришел на выручку, большинство защитников Кремля вырезали сразу и вскоре после капитуляции, выжившим командирам гарнизона пришлось провести в тюрьмах до 1619 г., а вернувшиеся в Речь Посполитую полки Я.-П. Сапеги и А. Зборовского объявили себя конфедератами и заняли королевские и частные имения¹².

Тому, как план Сигизмунда III все же осуществился, посвящена монография другого польского историка — А.-А. Маевского. Опорные события Смуты в его монографии отличаются от тех, которые мы обнаружим в книге Т. Бохуна, и интрига его монографии, в отличие от трагического «1612 года», скорее, оптимистическая. Основная задача великих господарей литовских, а затем королей Речи Посполитой заключалась в том, чтобы вернуть земли, захваченные Москвой. Продвижение к этой цели приобрело в правление Сигизмунда III свою специфику. Король стремился вернуть себе права на шведский престол в борьбе со своим дядей Карлом IX. Сразу две эти цели определили политику Сигизмунда III в России.

¹² Ibid. S. 255–258.

Уже в 1600 г. посольство Л.И. Сапеги выступило в Москве с предложением международной взаимопомощи и объединения обоих государств в случае смерти одного из монархов. Все эти проекты были отклонены царем Б.Ф. Годуновым. Затем Лжедмитрий I дал обязательства в случае своего воцарения в Москве как уступить спорные земли в пользу короля, так и оказать ему поддержку в войне за Швецию. Когда и этот план не удался, как полагает А.-А. Маевский, из-за отказа самого царя Дмитрия выполнять свои обязательства, король не стал отвергать поддержку дружественных своим планам сил в Москве, в том числе дав свое согласие на переворот в пользу кн. В.И. Шуйского, а затем — на переворот его противников в пользу королевича Владислава¹³. Еще в начале 1608 г. Сигизмунд III поддержал Шуйского, заключив с ним договор о четырехлетнем мире, однако за этой фикцией вырос подлинный конфликт, когда 28 февраля 1608 г. Шуйский заключил Выборгский мир с Карлом IX. Война Сигизмунда III с Москвой после этого была делом времени, и обернулась в 1610 г. победой Жолкевского под Клушино, свержением и пленением Шуйского и вступлением польско-литовского войска в Москву.

О дальнейших событиях 1610–1612 гг. мы знаем из монографии Т. Бохуна. Существенным для понимания этих событий может быть то, что А.-А. Маевский акцентирует внимание на конфликте между королем и шляхтой, окончательно лишая события Смуты единого «замысла». Сеймы, как уже говорилось, не одобрили ни одного вторжения на территорию Российского государства с 1604 г. Это не означало, что «станы», то есть правоспособные сословия Речи Посполитой, выступили за невмешательство. Шляхта высказывалась в первую очередь против финансовых затрат на войну в Московском государстве. Как показал еще польский историк Я. Мацишевский, идею военной интервенции не поддерживали и ведущие сенаторы — Я. Замойский, С. Жолкевский, Я.-К. Ходкевич. Основными польско-литовскими деятелями Смуты были окраинные шляхтичи, причем не рокошане и не конфедераты, а именно регалисты, сторонники короля¹⁴. Это накладывает отпечаток на наше понимание той риторики, которая появилась в королевском универсале 28 апреля 1612 г.

Впрочем, как показывает история уже упомянутого мемориала сентября 1610 г., еще до приезда к королю под Смоленск посольства кн. В.В. Голицына и митрополита Филарета Сигизмунд III уже получил от сенатора основательные разъяснения невыгод царствования Владислава в Москве. А после интернирования послов, отказавшихся присягать на верность Сигизмунду III, воины московского гарни-

¹³ *Majewski A.-A. Moskwa 1617–1618. S. 24–25, 31–33.*

¹⁴ *Maciszewski J. Polska a Moskwa, 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 140–142.*

зона должны были рано или поздно понять, что их миссия теряет свой первоначальный смысл. Тем временем сейм 1611 г., изученный в монографии Я. Былинского, также поддержал короля, объявил о начале войны *ex post* и признал опасность и ненужность отправления Владислава на московский трон¹⁵. Доказательства военных успехов короля и Жолкевского были налицо — взят Смоленск, Шуйский и его семья в плену и лежат в ногах у короля, гарнизон стоит в Москве. Триумфальное шествие в Варшаве 29 октября 1611 г. превосходило триумфы XVI в. Я. Тарновского, кн. Р.Ф. Сангушко или Я. Замойского прежде всего размахом празднества, но по сути это была все та же демонстрация военных трофеев и пленных, свидетельствующая о торжестве над врагом, а не о воссоединении с ним.

Примирение с выжившими в Москве тоже состоялось. Конфедератам из полков Сапеги и Зборовского в 1614 г. в Речи Посполитой были частично выплачены причитающиеся им деньги. В Москве до июля 1614 г. продолжалась борьба против И. Заруцкого и Марины Мнишек, а позднее — против крестьянских и казаческих движений, которые пришлось подавлять не только «кнутом», но и «пряником», приглашая бунташных атаманов на государеву службу. Война за Смоленск в 1613–1615 гг. не принесла молодому царю результатов. На переговорах королевских послов с москвитями ноября 1615 г. — февраля 1616 г. польско-литовская сторона вновь потребовала принять на царский трон Владислава и столкнулась с резким отказом. В начале 1616 г. Сигизмунд III вернулся к планам интервенции в Россию, ожидая территориальных и политических уступок и возвращения пленных, на что получил одобрение сейма, который избрал для контроля над военной кампанией комиссаров от сената и посольской избы сейма¹⁶.

Поход царя Владислава в московские владения против его «изменников» был осложнен войнами на севере и на юге, которые оттягивали значительные боевые силы и финансы. С. Жолкевский, отказавшийся от московской экспедиции, посвятил себя защите Речи Посполитой от Искандер-паши, в то время как гетман польный литовский К. Радзивилл сражался в Ливонии против шведов и просил помощи у гетмана Я.-К. Ходкевича, в очередной раз поставленного во главе войска, направляющегося на Москву. Сам поход был затруднен также конфликтами в окружении королевича — в действия военного командования постоянно вторгались сеймовые комиссары, в самом командовании к июлю 1617 г. наметились серьезные противоречия между гетманом польским К. Плихтой, фаворитом королевича М. Казановским и гетманом польным литовским Я.-К. Ходкевичем, с 1603 г., не раз занимавшим должность гетмана

¹⁵ *Byliński J. Sejm z roku 1611. Wrocław, 1970.*

¹⁶ *Majewski A.-A. Moskwa 1617–1618. S. 53–54.*

великого коронного и литовского. До короля доходили донесения о положении дел в окружении королевича от Лаврентия Гембицкого, К. Радзивилла, Я. Задика, однако сохранились упоминания о них и у мемуаристов — Я. Собеского и Е. Оссолинского. Сигизмунду III приходилось неоднократно выступать в роли модератора этих конфликтов, причем сам король также оказывал сдерживающее воздействие на экспедицию, будучи сторонником скорейшего проведения переговоров с москвитами. Это постоянное недовольство отца даже очевидными успехами Владислава и его стремление поскорее конвертировать военные достижения в дипломатические только затягивало и без того дорогое военное предприятие, что в свою очередь увеличивало его стоимость. За расколом командования стояли и личные амбиции, и национальные противоречия пестрой по происхождению армии, которые дали знать о себе уже вскоре после Люблинской унии. Наиболее опасный треугольник взаимоотношений в армии Речи Посполитой, как и тогда, прочерчивался между королевской гвардией, поляками и литвинами. Этот конфликт проявился в противостоянии Бекешей, М. Монвида Дорогостайского и М. Мелецкого во время Полоцкого похода и особенно во время осады московской крепости Суша в сентябре — октябре 1579 г., его следы заметны в разногласиях между немцами, а позднее немцами и венграми, с одной стороны, поляками — с другой, и литвинами — с третьей, в московском гарнизоне 1610–1612 гг. В походе Владислава острота этих разногласий достигла такого уровня, что под вопросом не раз оказывалось продолжение военных действий.

Зимой—весной 1618 г. все Московское государство было охвачено войной. Поиск провианта обеими сторонами разворачивался на огромной территории от Вязьмы до Белоозера, Вологды, Галича. На этот раз финансовые трудности польско-литовского войска предприняли распределение сил: в войске начался голод, и от королевича один за другим откалывались казаческие ватаги. Успехом Владислава было уже то, что он оставался на занятых позициях, сорвав план москвитов начать переговоры лишь после выхода противника за границы государства. В марте 1618 г. москвиты начали мирные переговоры, но они ни к чему не привели, москвиты тянули время. Хуже было то, что сейм согласился лишь на два дополнительных налоговых сбора и предписал королевичу до конца года закончить войну. Пришлось комиссарам даже огласить дезинформацию о том, что депутаты согласились на шесть сборов, что вызвало радость в войске, но не оставляло поводов для радости у командования¹⁷.

В противостоянии с войском королевича Владислава Б.М. Лыков, кн. Д.М. Черкасский, кн. Д.М. Пожарский и др. придерживались

¹⁷ Ibid. S. 123–125.

тактики изматывания противника и затягивания войны. Вывод основных сил воеводами из осажденного Можайска и Борисова 15–17 августа 1618 г. был по сути отступлением основных сил с применением тактики выжженной земли и сохранением небольших укрепленных гарнизонов на пути противника, обрекавшим войско королевича на продолжение войны сразу в нескольких направлениях, что грозило нарушением рекомендаций сейма и предписаний Сигизмунда III¹⁸. Однако Владислав при поддержке Ходкевича решается направить войско к Москве, соединившись с войском запорожцев П. Конашевича Сагайдачного¹⁹. Возможно, и сам штурм Тверской и Арбатской башен в ночь с 10 на 11 октября 1618 г. преследовал прежде всего цель вынудить противника на дипломатические уступки. Мирный договор в Деулино, как показал А.-А. Маевский, вступил в силу 25 декабря 1618 г. по Юлианскому календарю, или 4 января 1619 г. — по Григорианскому²⁰. Он закрепил этот успех, оказавшись главным доказательством территориального крена в восточной политике Сигизмунда III ценой провала проектов политической унии между Российским государством и Речью Посполитой. Знаком вопроса в «Москве 1617–1618 гг.», как и в заключительных разделах книги Т. Бохуна, звучат рассуждения об отношении короля к происходящему. Он был недоволен результатами Деулинского мира, но в его письме комиссарам от 12 января 1619 г., опубликованном еще в XIX в. П.А. Мухановым, после гневных упреков звучат слова смирения: «Но придется все это поручить Господу Богу, который пожелал таким способом покарать Речь Посполитую». Как отмечает исследователь, в руках у комиссаров, отвечавших на критику на сейме, были инструкции и письма самого же Сигизмунда III, но они не решились открыть их посольской избе сейма²¹.

Т. Бохун и А.-А. Маевский приводят в своих монографиях примеры коллаборационизма, показывающие, что одним из главных средств в борьбе за московский трон был поиск поддержки в русском обществе. Этот поиск начался гораздо раньше. Нам мало известно о его конкретных воплощениях до Ливонской войны. Но с 1560-х гг. попытки обратить часть московитов в подданство королю Польши и великому князю Литвы предпринимались неоднократно. Их первоначально авантюрный и пропагандистский характер сменился продуманной политикой в период походов Стефана Батория. Отныне московиты составляли неотъемлемую часть королевского войска. В 1610-е гг. эта практика сохраняла свои прежние очертания. Пацификация Москвы в марте 1611 г. началась после совещания у

¹⁸ Ibid. S. 139.

¹⁹ Ibid. S. 145–158.

²⁰ Ibid. S. 182–184.

²¹ Ibid. S. 195–196.

А. Госевского, на котором командующий гарнизона прислушался к мнению М. Салтыкова. В 1612 г. войску Ходкевича помощь оказывал сын боярский Г. Орлов. Царь Владислав, входя в российские пределы в декабре 1616 г., опирался на сопровождавших его патриарха Игнатия, смоленского архиепископа Сергия, кн. Ю.Н. Трубецкого, М.Б. Шеина, Салтыковых и кн. И.И. Шуйского. Взаимодействие между оккупантами, повстанцами и местным населением было настолько значительным, что вынуждало царей Лжедмитрия I, В.И. Шуйского, Лжедмитрия II, Владислава и М.Ф. Романова на крестоцеловальные обязательства миловать своих бывших противников и изменников. В этом принципиальное сходство ситуации начала XVII в., с одной стороны, и последних лет правления Ивана Грозного и первых лет царствования Федора Ивановича — с другой.

О высоком уровне взаимопонимания между «москвитами» и «ляхами» свидетельствует и неоднократно возникавшая в годы Смуты ситуация идейного конфликта. Начало ему положила переписка Ивана IV со Стефаном Баторием. Царь не принимал «прав и вольностей» своих противников, ссылаясь на несвободное от греха естество человека. В ответ король и Я. Замойский шутили, что царь начинает свои письма «от Адама», а в поддержку своих собственных прав, которые себе приписывает, ссылается на фальсифицированные документы. В начале XVII в. «права и вольности» Речи Посполитой неоднократно встречали отпор со стороны москвитов. С. Маскевич упоминает в своих записках, как на слова о «вольности» местное население насмешливо называло эту вольность своеволием. В развитие темы звучало и главное отличие «нашей неволи» от «их своеволия»: у них сильные угнетают слабых, отнимают их имущество, убивают, а на судах нужны многие годы, чтобы доказать свою правоту, и не всегда это удается; а у нас даже самый высокий боярин ничего не сделает самому «худому» человеку, царь расследует сам все по первой же жалобе и покарает боярина, а если царь совершит беззаконие, «то ему вольно, как Богу, ибо он и карает и жалует». Этот самодержавный аргумент был протестом против польско-литовской социальной и судебной системы. Подспудно москвиты оправдывали безграничную власть царя карать своих подданных, даже несправедливо, сравнивая ее — но не отождествляя — с волей Бога. Верховенству закона москвиты предпочитали верховенство царя, которому готовы были поручить безграничные полномочия. Это был осознанный выбор. Опричнина, массовые казни, «своеволие» одного человека не вызывали такого страха, как всеобщее «своеволие». Допустить всеобщую «волю», как и Иван IV, они не могли.

Московское самодержавие находило и своих сторонников в Речи Посполитой, где еще в 1550-е и 1560-е гг. велась дискуссия между защитниками польских свобод (С. Ожеховский) и литовского го-

сподарского управления (А. Ротундус), а в 1570-е гг. часть польской шляхты защищала кандидатуру Ивана IV на польско-литовский трон, хваля его за успешную борьбу с изменниками. Впрочем, в этот же период за Иваном IV в публичной жизни Речи Посполитой утвердилось определение «тирана», которое вызывало у самого царя только насмешливую готовность быть хоть греческим «тираном», хоть египетским «фараоном». Встреча шляхтичей в начале XVII в. с защитниками самодержавия в Московском государстве не была столкновением двух диаметрально противоположных политических устройств, скорее, это была встреча различных интерпретаций политической свободы, хорошо известных и в польско-литовской культуре и обсуждавшихся подданными Московского государства. В дипломатических контекстах эпохи Смуты звучал и еще один аргумент, озвученный Ф.И. Шереметевым в 1618 г.: наше государство много столетий росло и стало обширным и мощным именно благодаря нашему управлению, ваши свободы и вольности нам не нужны. Этот аргумент был сформулирован еще в письмах Ивана IV королю Стефану, и вызвал историческую полемику между ними, в которой ни одна из сторон не признала себя побежденной.

Исследования польских историков последних лет значительно расширили как наши знания о событиях Смуты, так и сами возможности их интерпретации. На пике Смуты, в период военной интервенции Речи Посполитой в Российское государство в 1609–1612 гг. и 1616–1619 гг., решался вопрос о политическом суверенитете обширной территории, представляющей собой на тот исторический момент «русское наследство». Участники событий, как с российской, так и с польско-литовской стороны, с трудом отличали перспективы войны, в которой ни Россия, ни Речь Посполитая не были представлены единым планом и одной объединяющей силой. За гражданской войной в Российском государстве и военными доктринами Речи Посполитой монографии Т. Бохуна и А.-А. Маевского позволяют увидеть один фланг европейской войны, эпицентр которой перемещался по континенту и представлял угрозу существования для всех ее участников, включая и Российское государство, и Речь Посполитую. Кроме того, историки получили тщательно выполненные исследования хода военных действий, с учетом не только героизма и военного гения обеих сторон, но и ошибок командования, вторжения в войну множества непредвиденных обстоятельств, которые неоднократно меняли военное равновесие. Сравнение событий 1610-х гг. с Московскими походами Стефана Батория требует, на мой взгляд, постановки вопроса о прямой преемственности между военной интервенцией эпохи Смуты и последними годами правления Ивана IV, когда война приобрела те формы, которые кристаллизовались и определяли судьбы восточных регионов Европы в начале XVII в.